Globalisms as the issue of interlinguistics and Russian philology

The article introduces the term "globalism" to denote the words similar in phonetics (and/or graphics) and coinciding in meaning (fully or partially) in global and in globally significant languages. The authors analyze the notion defined by this term. The issues and prospects of globalisms research in the Russian language are determined.

Key words: *global communication, international vocabulary in the Russian language.*

(Статья поступила в редакцию 05.02.2016)

Я.А. ВОЛКОВА, Н.Н. ПАНЧЕНКО
(Волгоград)

ТИПОЛОГИЯ ДЕСТРУКТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

В рамках теории деструктивного общения анализируется понятие деструктивной коммуникативной личности, предлагается классификация деструктивных коммуникативных личностей, в основу которой положен критерий формы реализации деструктивного поведения. Коммуникативное поведение представителей каждой из выделенных групп (хам, клеветник, шантажист, ревнивец, сплетник) рассматривается с точки зрения типичных коммуникативных тактик и приемов реализации поставленной коммуникативной цели.

Ключевые слова: *деструктивное общение, коммуникативная личность, коммуникативная тактика, коммуникативный прием.*

Центральным элементом любого типа общения выступает личность. Личности адресата и адресанта – два важнейших элемента общения, связывающих воедино все существующие характеристики коммуникативного процесса. С конца прошлого века личность человека говорящего – языковую личность – начали активно разрабатывать в лингвистике, она стала предметом многочисленных исследований. Существующие модели языковой личности (например, модель Ю.Н. Караулова и Г.И. Богина) включают уровни, относящиеся к области ее функционирования непосредственно в коммуникации [8; 1]. Именно в коммуникативной лингвистике зародилось представление о языковой личности как о личности «коммуникативной». По мнению С.Г. Воркачева, понятие *коммуникативная личность* включено в понятие *языковой личности:* под языковой личностью понимается и человек «как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения – по существу личность речевая», и «совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, т. е. личность коммуникативная», и закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая [3, с. 64–73].

Близких взглядов придерживается В.И. Карасик, полагающий, что языковая личность в условиях общения может рассматриваться как личность коммуникативная – как «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [6, с. 8]. Ученый предлагает трехкомпонентную модель коммуникативной личности, включающую ценностный, познавательный и поведенческий аспекты [Там же, с. 26]. Данный подход представляется нам наиболее плодотворным, ибо позволяет обратиться к типовой коммуникативной личности, реализующей свои коммуникативные намерения в деструктивном типе общения.

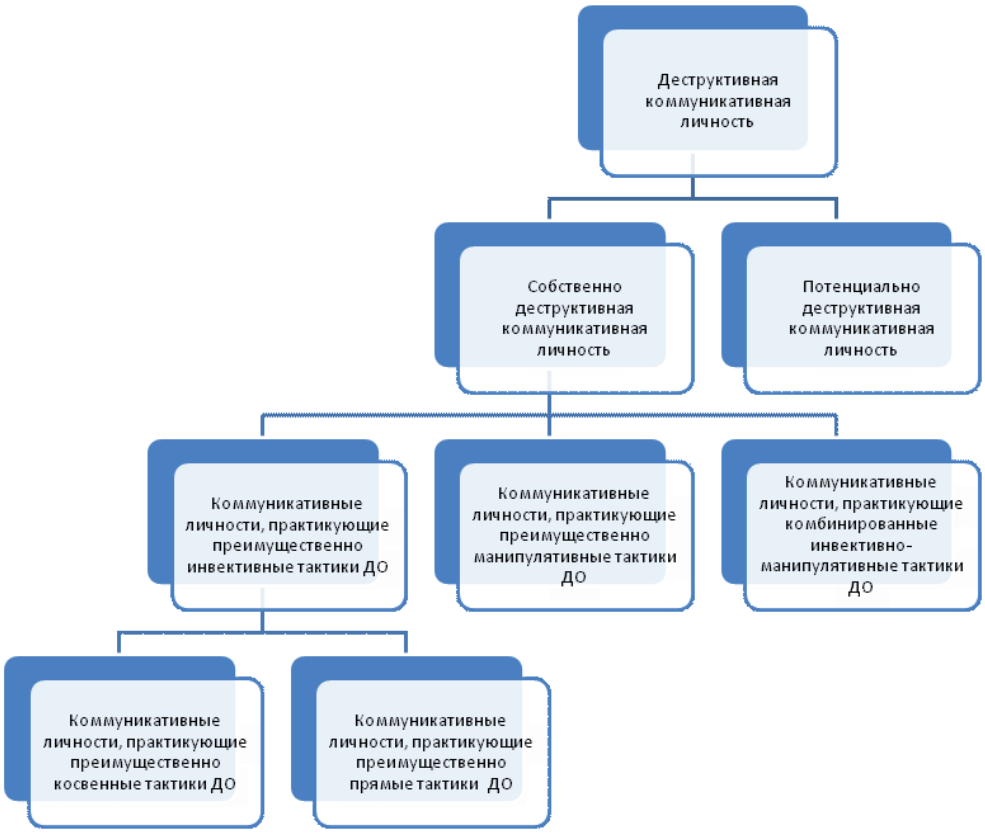
Коммуникативная личность есть одна из ипостасей человеческой личности, и ее коммуникативное поведение в деструктивном общении – лишь одно из возможных проявлений. Различные виды дискурса (бытовой, бытийный, разновидности институционального – см. [5]) требуют некоторой (иногда весьма существенной) дифференциации коммуникативного поведения. Это относится и к деструктивному коммуникативному поведению, в котором статусные характеристики играют ключевую роль при выборе стратегий и тактик деструктивного общения.

© Волкова Я.А., Панченко Н.Н., 2016

Таким образом, деструктивная коммуникативная личность понимается как коммуникативная личность, практикующая деструктивный тип общения. При этом под деструктивным общением понимается тип общения, направленный на сознательное, преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемый чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты. Ценностный план деструктивной коммуникативной личности состоит в негативной оценке ее действий социумом (внешний ценностный план), а также в нарушении моральных и утилитарных норм социума (внутренний ценностный план). Когнитивный (познавательный) аспект деструктивной коммуникативной личности включает знание когнитивных схем, соотносящееся с существующими стереотипами поведения в ситуациях деструктивного общения в определенном социуме, а также эмоциональные концепты деструктивного общения, включая представления о невербальной концептуализации соответствующих эмоциональных состояний. Поведенческий аспект отражает конкретное проявление коммуникативной личности в ситуациях деструктивного общения различных типов, включая цели, стратегии и тактики реализации деструктивных намерений.

Принимая во внимание тот факт, что генеральная когнитивная стратегия деструктивного общения (ДО) есть стратегия собственного возвышения за счет унижения партнера по общению, направленная на психоэмоциональное «уничтожение» противника, можно предложить классификацию деструктивных коммуникативных личностей, основанную на практикуемых ими типах коммуникативного поведения, показанную на рисунке.

К группе коммуникативных личностей, практикующих преимущественно прямые тактики деструктивного общения (оскорбление,



Классификация деструктивных коммуникативных личностей

угроза, издевка, возмущение, злопожелание, коммуникативный садизм, хамство и др.), относятся такие коммуникативные типажи, как хам, человеконенавистник, склочник / скандалист и др.

Проанализируем типичное коммуникативное поведение представителей данной группы на примере коммуникативного типажа «Хам». Обратившись к толкованию хамства С. Довлатовым [4], уточним конститутивные понятийные признаки данного типажа: 1) референция с вызывающе оскорбительным поведением; 2) интенция обидеть, незаслуженно оскорбить; 3) осознание безнаказанности при совершении оскорбительных действий; 4) получение патологического удовольствия от унижения и растерянности собеседника. Психолог В.Г. Ромек причисляет к вышеперечисленным характеристикам хамства еще и критерий анонимности, подчеркивая тем самым «рабское» положение хама [9]. Из опроса информантов (100 человек, возраст – от 18 до 75 лет, соотношение мужчин и женщин – 24:76) видно, что в качестве основных черт хама выделяются «грубость», «невежливость», «невоспитанность», «наглость», «неуважение», «некорректность», «необразованность» (89% ответов), а также «агрессивность», «неадекватность» (11%).

Типичная коммуникативная ситуация хамства может строиться по следующим основным моделям: *грубое высказывание – рациональный довод – прямое оскорбление; грубое высказывание – попытка оправдания – прямое оскорбление; вежливая просьба – грубое / оскорбительное высказывание; грубое высказывание – возмущение – оскорбительное высказывание; грубое / оскорбительное высказывание – ответное грубое / оскорбительное высказывание* [2, с. 299–301].

Прототипический сценарий коммуникативного поведения хама включает следующие основные моменты: присутствует некий раздражающий эмоциональный стимул (недовольный сосед / клиент, пассажир в транспорте и т. д.), далее следует грубый или оскорбительный выпад по отношению к собеседнику – вербальный (использование грубой или сниженной лексики, *ты*-общение) или невербальный (раздраженная интонация, использование жестов вместо вербального общения), затем попытка собеседника привести логические доводы либо образумить хама с помощью законных методов, в результате – вербальные проявления агрессии в виде угроз и оскорблений, нецензурной лексики, на которые возможны два основных типа реакций оппонента – продолжить конфликт, используя тактики и приемы хама и, возможно, перейти к активным агрессивным действиям или проигнорировать хама, уйти с «поля битвы» (при условии, что хам не переходит к физическим действиям). Однако, как правило, такие угрозы «законной» расправы остаются нереализованными, потому что жертва понимает, что наказать хама законными способами практически невозможно, т. к. по закону, чтобы привлечь хама к административной ответственности за оскорбление личности, требуются свидетели, аудио- и видеозапись. Возможные отклонения от указанного прототипического сценария включают в себя нестандартные реакции на хамство, в то время как коммуникативное поведение самого хама остается практически неизменным.

Таким образом, хам представляет собой типизированную коммуникативную личность, которую отличает установка на открытое оскорбительное поведение, а также осознание своей безнаказанности. С точки зрения коммуникативного поведения хама характеризуют вызывающе негативное отношение к оппоненту и/или предмету обсуждения, оскорбительный характер высказываемых мнений и оценок, эмоциональная несдержанность и высококонфликтная тональность общения. Причиняя вред партнеру по общению и получая от этого определенное моральное удовлетворение, хам является образцовой деструктивной личностью, практикующей прямые тактики деструктивного общения.

К группе коммуникативных личностей, практикующих преимущественно косвенные тактики деструктивной коммуникации, можно отнести клеветника и доносчика. Объединяющим параметром коммуникативного поведения данных деструктивных типов личности является реализуемая ими коммуникативная стратегия дискредитации, или «игры на понижение лица» (термин О.С. Иссерс). Охарактеризуем деструктивность коммуникативного поведения клеветника. Поясним, что нас интересует не собственно юридический аспект практикуемого клеветником коммуникативного поведения, которое квалифицируется как преступление в результате нанесения психического (морального) вреда личности и подразумевает применение мер ответственности, регламентируемых ст. 129 УК РФ. Наше внимание сфокусируем на деструктивном потенциале данного поведения, попытаемся охаракте-

ризовать, какое влияние оказывает автор данного речевого поступка на партнера по межличностному взаимодействию.

В обыденном представлении клевета – некая разновидность негативного проявления интенциональной вербальной агрессии против личности (что сближает ее с оскорблением), позорящей человека в представлении других людей. В основе клеветы – недостоверная информация, сведения, не соответствующие действительности, включающие как конкретные факты, так и субъективные мнения, оценочные суждения:

Жена Гуськова: Товарищи! В этом правлении все ***жулики!*** *Вам директор рынка всем сунул!*

Аникеева: Вы (жена Гуськова) ответите мне за ***клевету!*** (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Гараж, к/ф, 1979).

В структуре клеветы можно выделить трех основных дискурсивных участников: автора (клеветника), адресата и референта («мишень» клеветы), последний в межличностной коммуникации может быть непосредственным свидетелем клеветы в свой адрес или не принимать непосредственного участия в коммуникации, тем не менее может стать объектом информирования и порождать дискурс реагирования – опровержение или оправдание:

— Клевета! *Не верь ему, Мария! – возмутился Крячко* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша).

Мотивационная база коммуникативного поведения клеветника по сути своей деструктивна: 1) зависть, месть, неприязнь к референту жанра; 2) извлечение выгоды, корыстные мотивы:

Он был моим половинщиком в «Сыне Отечества» и старался сжить меня с рук, ***чтоб завладеть всем журналом, клеветал*** *и доносил на меня и словесно и письменно, и когда это не удалось, советовал мне бежать за границу для уклонения себя от гонений, принимая на себя издание в пользу моего семейства* (Н. Греч. Записки о моей жизни).

Основную коммуникативную интенцию клеветы можно сформулировать как распространение недостоверных сведений обвинительного содержания на референта, направленное в итоге на подрыв его репутации, унижение чести и достоинства. Поскольку честь и достоинство представляют собой оценочные категории, репутация – оценочную социальную категорию, определяющую статус добропорядочности человека в обществе, то коммуникативное поведение клеветника, таким образом, направлено на сознательную дискредитацию, умаление позитивных характеристик лица, понижение его социальной привлекательности в представлении других людей. Данная интенция обусловливает однозначно негативную оценку поведения клеветника в обыденном сознании: «в этической системе координат дискредитация оценивается однозначно негативно, как эгоистичное и нечистоплотное поведение» [7, с. 259].

Как коммуникативная личность клеветник воплощает в себе социальный «антиобразец». Его коммуникативное поведение характеризуется направленностью как на «внутренний мир» – индивидуальное (затрагивает чувства объекта клеветы), так и на «внешний мир» – социальное (репутация, его социальное лицо), нанося вред с позиций утилитарных, моральных норм и социальной значимости. Таким образом, деструктивность его коммуникативного поведения в обыденном повседневном общении обусловлена не определением состава преступления с позиции правовой нормы, а наносимым уроном – морально-психологическим (потеря доброго имени), нередко физическим (угнетенное состояние, болезнь, смерть):

Тем ***обидней*** *было, когда на него возводили* ***клевету*** *и находились люди, которые этой* ***клевете верили.*** <...> ***Он стал более тихим, сосредоточенным, задумчивым, почти перестал шутить*** (Д. Соколов-Митрич. Лёша из Лавры // Русский репортер. 2015).

Дописал заключительные строки: «Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя ***обрушивается подлость, ложь и клевета,*** *ухожу из этой жизни. Прошу похоронить рядом с матерью моей»* (Г. Фукс. Двое в барабане // Звезда. 2003).

Деструктивное поведение клеветника не может не воздействовать на психоэмоциональное состояние адресата / референта, вызывая бурю негативных эмоций:

Анна помнила только один случай, когда ее мать ***совершенно вышла из себя*** *и кричала высоким голосом, которого Анна не слышала ни до, ни после этого: – Как вы смеете* ***клеветать,*** *Ипполит! Я никогда не допущу этого в моем доме!* (Г. Газданов. Пробуждение).

Но почему вы так говорите, что Алексей имеет к этому отношение? Это ***несправедливо! Это самая настоящая клевета,*** *вот что это такое! – Ну-ка, убирайся отсюда! – с от-*

кровенной злобой прорычал Сукачев, появляясь в дверях. – И не суйся не в свои дела! (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска).

В институциональном межличностном общении клевета может использоваться как особый инструмент воздействия, противостояния или борьбы с оппонентом. В любом случае коммуникативное поведение клеветника, нацеленное на негативное (психическое) воздействие, причинение вреда другому человеку / группе лиц с помощью недостоверной информации, является одной из разновидностей косвенных тактик деструктивности.

Типичным представителем коммуникативных личностей, практикующих преимущественно манипулятивные тактики деструктивного общения, является шантажист. Речь вновь пойдет не о юридическо-правовом понятии, предполагающем уголовную ответственность за вымогательство материальных средств с помощью угроз. Привлекательным для настоящего исследования является сложившийся в последнее время в наивно-языковом сознании образ так называемого эмоционального шантажиста или, другими словами, коммуникативная личность, практикующая манипулятивное воздействие на эмоциональную сферу человека с помощью угроз.

Отличительной чертой данного типа деструктивной личности является использование манипулятивных тактик и хорошо замаскированного психологического давления. Участниками данного коммуникативного взаимодействия являются, как правило, близкие люди. Содержание деструктивного поведения в самом общем виде представляет собой выражаемую разными способами угрозу, которая в инвариантном виде может быть сформулирована следующим образом: если ты не будешь вести себя так, как я хочу, ты будешь страдать / об этом пожалеешь: *Это будет последняя СМС, если ты не ответишь!* (СМС-сообщения старших школьников).

Как известно, угроза как форма вербальной агрессии имеет две разновидности – реактивную, обусловленную раздражителем, и инициативную, обусловленную побуждением. Используемая в шантаже инициативная разновидность угрозы обусловливает деструктивный характер поведения шантажиста. Говорящий, сообщая о намерении совершить нечто нежелательное для адресата в будущем, как минимум изменяет его эмоционально-психологическое состояние, как максимум – оказывает влияние на его поведение.

Справедливости ради следует заметить, что шантажист – отличный психолог. Зная слабые стороны, уязвимые места человека, он умело пользуется этими знаниями, чтобы добиться своей цели – подчинения.

– Позови ее! – потребовала Лолита. – ***Если ты не сделаешь, как я прошу, я завтра же возвращаюсь домой.*** *Нет, не завтра, немедленно. Очень хорошо, вот уже и до* ***шантажа дело дошло*** (А. Маринина. Мужские игры).

Деструктивность поведения шантажиста становится очевидной благодаря реакции адресата, который, осознавая, что стал объектом шантажа, реагирует достаточно эмоционально:

Он все объяснит при встрече, главное – не делать резких движений, ***если я его действительно люблю.*** *То есть он* ***шантажировал меня моим хорошим к нему отношением!*** *Во мне все* ***вскипело,*** *и я сказала, что лишнее движение уже сделано, я лечу в Москву* (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну. Волга. 2009).

Учитывая, что шантажист, воздействуя на болевые точки с помощью угроз и манипулятивных тактик, сознательно причиняет психоэмоциональный вред близкому человеку, его коммуникативное поведение однозначно квалифицируется как деструктивное.

К группе коммуникативных личностей, практикующих как открытые, так и скрытые / косвенные тактики деструктивного общения, можно отнести такие коммуникативные типажи, как коммуникативный садист, моббер, ревнивец. Кратко остановимся на характеристике коммуникативного поведения ревнивца.

Как показывают результаты опроса респондентов (100 человек, возраст от 18 до 75, соотношение мужчин и женщин – 24:76), в современном понимании ревнивец / ревнивица – это человек неумный, собственник / эгоист по натуре, сомневающийся в верности своего партнера, неуверенный в себе и, возможно, агрессивный. Несмотря на то, что ревнивец относится с любовью к объекту своей ревности, его аксиологическая характеристика однозначно отрицательная, т. к. все без исключения респонденты выразили негативную оценку данной коммуникативной личности. Анализ практического материала (1120 контекстов рефлексии, отобранных литературных текстов, Национального корпуса русского языка, интернет-источников (форумов, блогов), публицистических текстов) показал высокую типичность поведения ревнивца. Коммуникативное пове-

дение ревнивца можно подразделить на активное и пассивное. Первый вид проявляется в агрессивных действиях преимущественно открытого типа. Ревнивец устраивает скандалы, требует объяснений и доказательств верности, пытается получить признание в неверности, используя угрозы, физическое и психическое насилие.

К счастью, для меня все это уже пройденный этап. Стекла на работе бил, в проезжающие мимо машины, кирпичи бросал, все подруги – шлюхи, друзья – кобели. В гостях вел себя так, что провалиться на месте. Потрезвому вечные придирки, а выпьет, осмелеет и с кулаками на меня. Все двери, косяки были пробиты дома (орфография и пунктуация автора сохранены) (URL: http://forum.say7.info/topic66318-50.html (дата обращения: 12.12.2013)).

Поведение ревнивца проходит два этапа: «скрытой агрессивности» и «открытой агрессивности». На первом этапе проявления агрессии носят косвенный и, как правило, невербальный характер. Используется враждебная тактика эмоционального воздействия, которую можно назвать тактикой *создания эмоциональной напряженности,* или *эмоционального давления.* Ревнивец создает неприемлемую для полноценного общения атмосферу, в которой партнер виновен по определению.

Телефон, комп, журнал в интернет-эксплорере – всё проверяется. Не дай бог что-нибудь случайно удалить – значит, мне есть что скрывать... На работу без конца звонит, спрашивает, где нахожусь я и где мужики. Ни в коем случае в одном помещении с ними мне находиться нельзя (орфография и пунктуация автора сохранены) (URL: http://forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t289958.html (дата обращения: 19.12.2013)).

Затем ревность может найти выражение в таких открытых агрессивных действиях, как порча одежды, насильственное удерживание дома, вербальная агрессия по отношению к возможным соперникам и собственно к партнеру, т.е. реализуется ряд прямых деструктивных тактик, включая тактики упрека, угрозы, оскорбления, демонстрации обиды, злопожелания, издевки. Далее реализуется ситуация, в которой объект ревности и / или соперник могут стать объектами как вербальной, так и физической агрессии.

По данным следствия, молодые мужчины, которым нравилась одна девушка, случайно встретились на остановке. Начали выяснять отношения. А вскоре один из них ***вытащил нож и всадил конкуренту острие в глаз.*** (Российская газета. 28.10.2013).

Таким образом, активный ревнивец реализует в общении стратегию унижения партнера посредством использования различных тактик манипулирования (упрек, прерывание контакта (молчание), эмоциональное давление, демонстрация обиды) и тактик вербальной и невербальной агрессии (угроза, оскорбление, возмущение, издевательство, злопожелание).

Образ пассивного ревнивца встречается в классических (например, Л.Н. Толстой «Крейцерова соната») и современных (К. Милле «Ревность») литературных произведениях, анализ которых позволил выявить следующие поведенческие черты пассивного ревнивца: он не проявляет открытой агрессии, может как бы ненароком, в вежливой форме поинтересоваться, где вторая половина была после работы, пытается подловить партнера на лжи (коммуникативный прием – вопросы-ловушки). Но чаще всего он мысленно выстраивает сценарии развития измены. Если ревнивец в глубине души чувствует, что реальных причин для ревности нет, он не желает обижать партнера необоснованными обвинениями. Но даже если факт измены очевиден, пассивный ревнивец может и не предъявить обвинений партнеру, боясь разрыва отношений. Однако как и активная, так и пассивная ревность может привести к трагическим последствиям, а именно к открытой физической агрессии или к тяжелым соматическим расстройствам. Коммуникативное поведение ревнивца направлено на унижение и, зачастую, уничтожение партнера, его отличает использование тактик эмоционального давления, прямого оскорбления, а также коммуникативного садизма, включающего прямые и косвенные приемы деструктивного общения, что позволяет однозначно квалифицировать его как деструктивную коммуникативную личность.

Охарактеризовав, таким образом, собственно деструктивные типы коммуникативных личностей, заметим, что нами отдельно выделяется также потенциально деструктивный тип личности, который изначально не имеет собственно деструктивной интенции – дискредитации или психоэмоционального унижения, однако его коммуникативное поведение может быть квалифицировано как деструктивное с точки зрения адресата и/или наблюдателя. Нам представляется, что сплетник (кляузник), интересы которого сфокуси-

рованы на проблемах чужой жизни, представляет собой потенциально деструктивный тип личности, если он настроен не только на обмен информацией, мнениями, но и на негативную оценку третьего лица. Специфика осуждения в рамках данного вида сплетничания заключается в том, что критика, негативная оценка третьего лица, факта, события не направлены непосредственно на объект осуждения, а представляют собой косвенное осуждение, осуществляются «за глаза».

Напомним, что сплетничание – коммуникативное событие, обозначающее вовлеченность в процесс обмена сплетнями «своих» и нарушение границы приватного пространства «других». Если адресат данного коммуникативного взаимодействия выбран сплетником некорректно, если он не принадлежит к кругу «своих», то коммуникативное поведение сплетника может не найти должного понимания и вызвать негативную реакцию:

– Чепуха! – яростно говорит Федяева. – И ты не должен повторять вслух эту чушь! Эти мерзкие сплетни распространяют злые и глупые люди (Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети).

Подтверждением деструктивности сплетничания выступает крайне негативная эмоциональная реакция (огорчение, раздражение, обида, злость) третьего лица, ставшего невольным свидетелем обсуждения его личной жизни:

А у меня настроение испортилось безвозвратно. Я чувырла? Значит, обо мне уже судачат? Говорят, что я не пара красавцу Глебу Ордынцеву? Нет, ну надо же, какое мерзкое унизительное слово – чувырла (Е. Вильмонт. Хочу бабу на роликах).

Подводя итоги, отметим, что исследования различных типов деструктивной коммуникативной личности дают возможность рассмотреть деструктивное общение с позиций как адресанта, так и адресата. Думается, что к потенциально деструктивным коммуникативным личностям при определенных условиях можно отнести льстеца, педанта, однако этот вопрос требует дополнительного исследования. Перспективным представляется также изучение коммуникативных типажей, репрезентирующих деструктивную коммуникативную личность в различных типах дискурса.

Список литературы

1. Богин Г.И. Концепция языковой личности: автореф. дис. … д-ра фиолол. наук: 10.02.19. Л., 1982.

2. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. … д-ра фиолол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2014.

3. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

4. Довлатов С.Д. Это непереводимое слово «хамство» [Электронный ресурс]. URL: http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html.

5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

7. Кара-Мурза Е.С. «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 253–272.

8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

9. Ромек В.Г. Хамство непобедимо? // Человеческий фактор: социальный психолог. Ярославль, 2004. №1 (7). [Электронный ресурс]. URL: http://www.romek.ru.

* * *

1. Bogin G.I. Koncepcija jazykovoj lichnosti: avtoref. dis. … d-ra fiolol. nauk: 10.02.19. L., 1982.

2. Volkova Ja.A. Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: dis. … d-ra fiolol. nauk: 10.02.19. Volgograd, 2014.

3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii // Filologicheskie nauki. 2001. № 1. S. 64–72.

4. Dovlatov S.D. Jeto neperevodimoe slovo «hamstvo» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.sergeidovlatov.com/books/etoneper.html.

5. Karasik V.I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5–20.

6. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

7. Kara-Murza E.S. «Deva obida» politicheskogo diskursa: rechevye prestuplenija v paradigme lingvisticheskoj jemotiologii // Sovremennaja politicheskaja lingvistika: problemy, koncepcii, perspektivy: sb. nauch.tr. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2009. S. 253–272.

8. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 1987.

9. Romek V.G. Hamstvo nepobedimo? // Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog. Jaroslavl', 2004. №1 (7). [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.romek.ru.

Typology of destructive communicative personalities

Within the theory of destructive communication the authors analyze the notion of a destructive communicative personality, suggest the classification of destructive communicative personalities based on the criterion of implementation form of destructive behaviour. Communicative behaviour of the representatives of each group (a cad, a slanderer, a blackmailer, a jealous man, a gossip) is regarded from the view of the typical communicative tactics and methods used to realize the communicative goal.

Key words: *communicative method, communicative personality, communicative tactics, destructive communication.*

(Статья поступила в редакцию 15.03.2016)

М.В. ПОВАРНИЦЫНА
(Волгоград)

МАНИПУЛЯЦИЯ, СУГГЕСТИЯ, АТТРАКЦИЯ И ФАСЦИНАЦИЯ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ

Рассмотрены феномены аттракции, манипуляции, суггестии и фасцинации. Приведены основные способы их выражения на примере креолизованных текстов. Предложена модель поэтапного воздействия на сознание реципиента сообщения, несущего в себе рассматриваемые феномены.

Ключевые слова: *речевое воздействие, креолизованный текст, манипуляция, суггестия, аттракция, фасцинация.*

Ученые гуманитарного направления (психологи, лингвисты, социологи и др.) давно занимаются разработкой вопросов, касающихся возможности посредством текстов (а под «текстом» в самом широком смысле могут пониматься даже действия человека, которые, подобно тексту письменному, можно «прочитать» и интерпретировать [8, с. 30]) оказывать на реципиента открытое либо скрытое воздействие, менять его установки, ценности или убеждения и побуждать к определенным действиям (данные проблемы подробно рассматриваются в трудах Е.Л. Доценко, О.С. Иссерс, С.Г. Кара-Мурзы, Г.Г. Почепцова, И.А. Стернина, И.Ю. Черепановой и других исследователей). Интерес к этим темам проявляют также специалисты-практики, связанные с маркетингом, рекламным делом, пиаром, а также журналисты и политтехнологи – все те, кто занимается массовой коммуникацией и продвижением идей, товаров или услуг.

Сложность и многоплановость этой темы приводит к тому, что при обсуждении вопросов, касающихся оказания речевого воздействия на реципиента, разные исследователи выделяют различные явления (суггестию и манипуляцию, убеждение и доказывание, фасцинацию и аттракцию), приводя при этом разнообразные системы взаимоотношений между ними.

Обычно эти явления рассматриваются сами по себе, в лучшем случае – сравниваются попарно для выявления их особенностей, но комплексного анализа их взаимоотношений ещё не проводилось. Между тем понятно, что в современных текстах, особенно в текстах сложной, поликодовой природы (мы далее будем придерживаться термина «креолизованные тексты», введённого в научный обиход Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым, которые определяли креолизованные тексты как «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей – вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [21, с. 180]) указанные явления чаще всего встречаются и действуют совместно, обладая каждое собственным набором характерных средств и приемов.

Целью данного исследования является создание непротиворечивой целостной модели, описывающей этапы воздействия креолизованного текста на реципиента с учетом взаимодействия в рамках текста таких явлений, как суггестия, манипуляция, аттракция и фасцинация. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проводится анализ степени изученности в лингвистике проблем манипуляции, суггестии, фасцинации и аттракции, рассматривается их взаимодействие и выделяются способы их проявления в вербальном и невербальном компонентах креолизованных текстов.

Актуальность исследования основана на том, что комплексное изучение этих явлений

© Поварницына М.В., 2016